МНЕНИЯ

Синдром Плюшкина. Зачем России клуб нефтяных скопидомов?

Нефть из актива снова превращается в товар, держать ее в запасах нет смысла

Петр Казначеев • 2 марта, 07:38

2 14 074

© 2009 — 2018. Все права защищены.

Заметили ошибку? Выделите ее и нажмите ⌘+Enter

Любое использование материалов допускается только с согласия редакции. Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77 – 67553 Выдано Роскомнадзором 10 ноября 2016 года. С мая 2009 года по ноябрь 2016 года сайт назывался Slon (Slon Magazine). 18+

Designed by Wednesday

Push-уведомления: включить

Сухейль аль-Мазруи объявил о подготовке нового, более тесного соглашения ОПЕК и России. Проект такой структуры, по его словам, еще находится в разработке, но пресса уже успела придумать ей название – РОПЕК, то есть Россия плюс ОПЕК.

На первый взгляд у стран ОПЕК+ (так называют действующее соглашение ОПЕК об ограничении добычи с десятью другими производителями) и правда есть повод радоваться успехам и укреплять сотрудничество. С тех пор как договоренности вступили в силу, цена барреля Brent выросла на $10. Много это или мало, сказать сложно, но во всяком случае она не снизилась – а такая вероятность тоже была. Месяц назад котировки даже ненадолго достигли отметки $70. На этом фоне у ряда экспортеров возник прилив «объединительного» энтузиазма. Главное, что этому способствовало, – редкостная дисциплина среди стран – членов ОПЕК. Они перевыполнили договоренности о сокращениях на целых 38%.

Но если посмотреть внимательнее, эти достижения не столько результат железной дисциплины, сколько оптическая иллюзия. Тот факт, что экспортеры сделали большие сокращения, чем было объявлено изначально, – итог затяжного и неизбежного провала нефтяной промышленности Венесуэлы. Только в прошлом году добыча нефти в стране сократилась на 20% (или 400 тысяч баррелей в сутки). Получается, ОПЕК должна поблагодарить боливарианских социалистов за перевыполнение плана.

Сейчас Россия вышла на первое место по объемам добычи нефти в мире. На первый взгляд это хорошая переговорная позиция, чтобы занять лидирующее место в новом сверхкрупном объединении в формате РОПЕК. Возможно, так и поступят российские переговорщики. Но есть два немаловажных вопроса: какой ценой, а главное, зачем?

На первый вопрос ответил генсек ОПЕК Мохаммед Баркиндо. Он дал понять: чтобы поддерживать цены на приемлемом уровне, странам – союзницам ОПЕК придется еще сильнее сократить добычу. А если соглашение перейдет на новый уровень, то и взнос за участие повысится – потребуется еще более существенно урезать добычу. А иначе зачем вообще затевать новый формат?

Готовы ли российские нефтепроизводители к потере доли рынка? Вряд ли. Недаром ряд российских компаний еще в 2016 году предлагали воздержаться от присоединения к квотам ОПЕК. В перспективе это потребует таких сокращений, на которые российские компании, видимо, пойти не готовы.

Здесь мы вплотную подходим ко второму вопросу – зачем России участие в таком соглашении и кто реально получит от него наибольшую выгоду? Пока у России не было договора с ОПЕК, она пользовалась положением free rider, то есть была бенефициаром сокращений, но сама в альянс не входила и добычу не снижала. Присоединившись к квотам ОПЕК, Россия теряет этот выгодный статус.

Америка на низком старте

В основе соглашения ОПЕК+ лежит идея, что обвал котировок в 2014–2015 годах – это очередной ценовой цикл. Согласно этой точке зрения, цены можно повысить, сократив добычу, как это, собственно, и делалось в

предыдущие десятилетия (хотя и с разной степенью успешности). Но особенность нынешней ситуации в том, что это не очередной цикл. Мы имеем дело с серьезной перекалибровкой нефтяного рынка. Теперь большинство факторов, влияющих на цену, находятся вне сферы влияния ОПЕК. Главный среди них – сверхбыстрый рост добычи в Соединенных Штатах в результате сланцевой революции.

Сланцевый бум стал переломным не только для американской отрасли, но и для мирового нефтегаза в целом. В результате технологических прорывов – и последовавшего за ними падения цен – нефтяные компании по всему миру вынуждены были затянуть пояса и существенно сократить издержки. Это повторяется снова и снова на каждом витке снижения цен.

Теперь весь мировой топливно-энергетический комплекс участвует в гонке на выживание. А тем временем страны ОПЕК и Россия путем сокращения добычи пытаются противостоять стихии, охватившей отрасль. Довольно скоро издержки этой стратегии перевесят выгоды: чтобы угнаться за мировым нефтегазом, придется все больше и больше сокращать производство, уступая все большую долю рынка.

Альтернатива квотам – участие в мировой конкуренции, децентрализация, увеличение доли частного капитала и повышение эффективности. Но это потребует серьезных реформ, по-видимому, непопулярных у элит, да и у части населения. Политически и имиджево правительствам проще создавать новые мегаальянсы и делать вид, что все идет по плану. Но рано или поздно все большее количество людей станет задаваться классическим вопросом: Cui bono? Кто извлекает наибольшую экономическую выгоду от квот? По иронии судьбы снова Америка.

Каждый раз, когда клуб ОПЕК+ урезает добычу, он дает стимул цене на нефть (как и задумывалось), но одновременно и создает свободную нишу на рынке. Эту нишу, в свою очередь, занимают производители вне соглашения. Самый крупный среди них – Соединенные Штаты. Именно США выгоднее всего существование квот ОПЕК+. Эти квоты не накладывают никаких ограничений на американские компании, которые могут продолжать наращивать добычу.

Так, собственно, и происходит. США только что обогнали Саудовскую Аравию в добыче нефти и, как ожидается, в скором времени обгонят и Россию. Согласно данным Управления энергетической информации в Вашингтоне, добыча нефти в стране впервые за 48 лет превысила 10 млн баррелей в день. По мнению знаменитого нефтяного экономиста Даниэла Йергина, за следующие два года производство американской нефти может вырасти еще на 20%.

Нефтяной синдром Плюшкина

Имя героя «Мертвых душ» Степана Плюшкина стало нарицательным. Комичный образ помещика-скопидома, у которого в закромах гнили непроданные товары, был так виртуозно описан Гоголем, что из русской культуры даже перекочевал в английский язык. Наряду с крылатыми выражениями типа Potemkin village есть еще и Plyushkin syndrome. В психологии и психиатрии оно служит для обозначения патологической скупости, склонности к иррациональному накопительству. Сейчас ряд экспортеров готовятся к новым сокращениям добычи. При этом их одержимость по поводу сохранения запасов нефти в земле все больше

напоминает поведение гоголевского героя. Иррациональность такого накопительства становится очевидной в свете изменений рынка последних лет.

В недавнем докладе BP предположила, что пик потребления нефти наступит раньше, чем ожидалось – в промежутке 2030–2040 годов. А вслед за этим глобальный спрос на нефть пойдет на спад. То, что казалось отдаленной перспективой, начинает непосредственно влиять на жизнь отрасли.

Главная мысль доклада: мировая топливно-энергетическая отрасль переходит из стадии сбережения нефти к стадии ускоренного извлечения. Логика рассуждений понятна. Пока мировые рынки жили в ожидании постоянного повышения цен, нефть в земле представляла огромную ценность – она была не только товаром, но и активом. Поэтому нормирование добычи было признаком разумной и дальновидной экономической политики.

С обвалом цен в 2015–2016 годах и сменой ожиданий ситуация сильно изменилась. Реализация нефтяных проектов – дело очень небыстрое. Экономический цикл месторождения может длиться 10–20 лет, а в случае с крупными месторождениями существенно дольше. Соответственно, прогнозы на десятилетия вперед непосредственно влияют на оценку проектов. Чем ближе пик потребления нефти, тем ниже ценность будущих денежных потоков с нефтяных месторождений.

Смысла сдерживать производство «во имя будущих поколений» больше нет. Будущим поколениям запасы просто не будут нужны в таких количествах. Нефть из актива снова превращается в товар. Поэтому авторы доклада BP предвидят стремление компаний не нарастить запасы, а избавиться от них. Увеличить добычу при минимальных издержках в условиях снижения цен. И правительства стран-экспортеров тоже постепенно станут перенимать эту логику.

Теперь становится понятна причина столь активного заманивания России в большой альянс РОПЕК. Саудовская Аравия, а также ее арабские союзники (прежде всего ОАЭ, Кувейт, Ирак и Оман) несут на своих плечах половину всех сокращений. Часть элит в этих странах прекрасно понимает: сдерживать добычу в период, когда остальные берут курс на избавление от запасов, попросту нелогично. В этот момент приоритетом становится переход от централизованной экономики государства-рантье к более гибкой рыночной и инновационной системе, способной адаптироваться к новым реалиям.

Переложить роль лидера нефтяного альянса, а заодно и ответственность за дальнейшее сокращение добычи на Россию – неплохой способ для лидеров ОПЕК постепенно выйти из игры. Вот только зачем российской экономике нужны лавры лидерства в альянсе, доживающем свой век, непонятно.

Петр Казначеев

Энергетический экономист, доцент РАНХиГС, старший научный сотрудник Королевского колледжа Лондона